

✦ *Старинный роман* ✦

Анастасия
ТУМАНОВА

Ты вернёшься, я знаю

роман

Москва

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т83

Оформление серии *С. Прохоровой*

Ранее книга выходила под названием
«Страсти таборных цыган»

Туманова, Анастасия.
Т83 Ты вернёшься, я знаю / Анастасия Туманова. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 352 с. — (Старинный роман).
ISBN 978-5-699-97119-0

В цыганском хоре не было певицы, которая могла бы сравниться с Настей — самой красивой, самой талантливой и, как оказалось, самой безрассудной. Ее боготворила публика, князь Сбежнев хотел жениться на ней. А Настя сбежала с таборным цыганом Ильей. Жизнь в таборе не сахар. Но Настя готова терпеть холод, голод, разлуку с родными — только бы быть с любимым... Сможет ли супруг ответить такой же любовью, а главное — преданностью?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-97119-0

© Туманова А., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Вечером четвертого мая 1888 года в Москву пришла первая гроза. Огромная туча вывалилась из-за Бутырской заставы и разом накрыла собой Петровский парк со знаменитым рестораном «Яр», Тишинский рынок, Большую и Малую Грузинские и Живодерку — маленькую, кривую и грязную улочку, сплошь населенную цыганами. Синие молнии перекатывались по черной громаде из конца в конец, от первого мощного удара грома с куполов церковей разлетелись галки, ветер трепал ветви лип, обрывая молодые листья. Обычно шумная, Живодерка мгновенно опустела: ее обитатели помчались по домам, и последних опоздавших загоняли в двери крупные, тяжелые капли дождя. Целая толпа молодых цыган — уже намокших, хохочущих, поминающих Илью-пророка и Богородицу — ввалилась в Большой дом. Строение это, довольно старое, с покосившимся мезонином, выкрашенное облупившейся голубой краской, утопающее в цветущей сирени, вовсе не было самым большим на Живодерке, значительно уступая в размерах публичному дому мадам Востряковой и высоченной развалюхе купца Шукина. «Большим» его называли цыгане: здесь проживала семья Якова Васильева, дирижера известного в Москве цыганского

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

хора. В Большом доме принимали гостей, проводили репетиции и прослушивания новичков, а также устраивали при необходимости общие сборы. Яков Васильев был вдов, при нем жила его сестра, тоже вдова, со своими детьми, а также дочь Настя, семнадцатилетняя солистка хора, покоровшая своим талантом всю Москву.

Со дня на день дочь хороведа должна была выйти замуж. Только вчера свершился наконец окончательный сговор между родителями: Настю сосватали цыгане из Петровского парка, известная и уважаемая семья Волковых. Яков Васильев дал согласие, Настя не возражала, хотя цыгане и решили между собой, что невеста могла бы выглядеть и порадостней.

«Да чего же ей веселиться-то?! — возмущалась Стешка, двоюродная сестра Насти и ее лучшая подруга. — Тоже еще, счастье несказанное, после сватовства самого настоящего князя за этого Волкова выходить! Такой же горлодер, как и все наши, разве что доходу побольше... Но ведь не сиятельный, не ваше благородие!»

Цыгане только похмыкивали, понимая, что Стешка права. Еще год назад в цыганском доме дневал и ночевал князь Сергей Сбежнев — герой турецкой войны, до смерти влюбленный в Настю и попросивший у хороведа ее руки. Яков Васильев растерялся так, что сначала отказал. Его можно было понять: случай действительно из ряда вон. Любую цыганскую примадонну обхаживало множество поклонников из богатейших сословий города, но жениться на цыганке? Князю? Представителю известнейшего дворянского рода? Подобного мезальянса в Москве не случалось давно. Сбежнев, однако, настаивал, и тогда Яков Васильев назначил выкуп: сорок тысяч. Князь согласился. Несмотря

Ты вернешься, я знаю

на звание и известность, он оказался совсем не богат, и вся осень и половина зимы у него ушли на то, чтобы собрать названную сумму. Цыгане радовались, предвкушая небывалую свадьбу. Настя встречалась с князем под надзором родственников в Большом доме, принимала знаки внимания жениха, от счастья не сияла, но и не печалилась, и все, думалось, уже сладилось.

Гром грянул перед самым Рождеством, за несколько дней до свадьбы. Князь Сбежнев неожиданно исчез из Москвы. Исчез, никого не предупредив, не переговорив даже с самыми близкими друзьями, не заехав к цыганам, ни слова не сказав невесте. Настя, свалившись в жесточайшей горячке, не вставала с постели. Цыгане всерьез беспокоились за ее жизнь, проклинали бессовестного жениха и хором говорили, что ничем другим эта история закончиться и не могла: виданное ли дело, князь — и цыганка! Сразу было ясно: пустая затея...

Через месяц Настя встала, исхудавшая и бледная. Еще через неделю начала снова выезжать с хором в ресторан: она была ведущей солисткой, и без ее участия в выступлениях доходы хора заметно упали. Все, казалось, понемногу становилось на свои места, но цыгане видели, что Настя уже не та, что прежде. Больше не было слышно в Большом доме ее смеха; она почти не разговаривала с цыганами, не играла с подругами в горелки и «колечко», не плясала на праздниках. Что-то сломалось в семнадцатилетней девочке, потухший взгляд делал ее старше на несколько лет, возле губ появилась горькая, скорбная складка. Цыгане недоумевали: всем было известно, что Настя ни капли не любила князя. Тогда что же подкосило ее? Гордость? Самолюбие? Обида? Никто ничего

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

не знал: Настя молчала, и даже Стешка, сестра и подруга, не смогла добиться от нее объяснений.

Весной неожиданно пришли свататься Волковы. Яков Васильев не сразу дал ответ, уверенный, что дочери сейчас не до замужества, но Настя, к его удивлению, тут же согласилась.

«Тоже мне, невеста... — бурчала все та же всеведущая Стешка. — Знаю я, отчего она замуж бежит...»

«Ну, скажи, скажи, отчего?!» — приставали заинтригованные цыганки.

«Сейчас вам! Вороны! Знаю — да не скажу, на иконе поклялась». И глазастое, большеносое лицо Стешки выражало такую непоколебимость, что настаивать не решались даже очень любопытные.

Гром раскатывался над самой Живодеркой, и оконные стекла дребезжали от каждого удара, когда в нижнюю комнату Большого дома спустился Яков Васильев. Цыгане, сидящие возле стола и окружившие черный величественный рояль, разом перестали галдеть: хоревода побаивались. Яков Васильев, невысокий, все еще по-молодому стройный цыган лет пятидесяти, окинул всех неласковым взглядом и принялся шагать по комнате вдоль стены, заложив большие пальцы рук за пояс казакина. Изредка хоревод неодобрительно поглядывал на залитые дождем окна. Наконец проворчал:

— Принесла же нелегкая грозу эту... Как теперь до ресторана добираться?

— Доберемся, Яша, ничего. Кончится скоро, над заставой просветы уже, — подала голос из-за стола Марья Васильевна — сестра хоревода, пожилая цыганка с низким, красивым и звучным голосом.

Ты вернешься, я знаю

— Настя где? Готова ехать? — отрывисто спросил Яков.

— Спит пока. Не беспокойся, разбудим, когда надо будет.

— А Смоляковы? Не появлялись? Черти таборные, где их третий день носит?! Митро, тебя спрашиваю!

— Да что ж я им — нянька?! — возмутился Митро, старший сын Марьи Васильевны, некрасивый, очень смуглый двадцативосьмилетний парень, первый бас хора, которого цыгане звали Арапо. — Они же мне того... не докладывались. Может, у Ильи дела какие... Может, лошади...

— А Варька? Тоже, скажешь, лошади?! Тьфу, не дай бог обратно в табор съехали... Все эти подколесные одним миром мазаны... Весной носом по ветру потянул — и только его и видно.

— Не должны бы... — неуверенно пробормотал Митро. — Илья мне слово давал...

— Ну, так где он, твой Илья?! — взорвался хоревод, и Митро на всякий случай переместился поближе к двери. — И сестрица его? Купцы в ресторане уже голоса посрывали, Смоляковых требуют! Кто «Глаза бездонные» петь будет? Паршивец, ну пусть явится только! Говорил же тебе: доглядай за ними, доглядай! Сколько волка ни корми — он все в лес норовит!

Митро сердито сверкал узкими глазами, ерошил и без того взлохмаченные волосы, молчал. Если бы Яков Васильев не был так сердит, он увидел бы, что племянник украдкой поглядывает на молодых цыган, сидящих на полу возле двери, и те отвечают ему такими же встревоженными взглядами. Но хоревод ожесточенно мерил шагами комнату, хмурился, тер пальцами подбородок и, думая о своем, ничего не замечал.

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

Марья Васильевна оказалась права: через час гроза унеслась за Москву-реку, и над городом раскинулось чистое небо, подсвеченное на западе розовым закатом. За Таганкой еще погромыхивало, мокрые ветви сирени роняли в палисадник капли, вся Живодерка блестела от луж, но дождь уже прошел. Пора было идти в ресторан на работу, и Большой дом начал заполняться цыганами: солистками в строгих черных и белых платьях, с высокими прическами, плясуньями в легких юбках, гитаристами с зачехленными инструментами в руках. Митро, стоя у рояля, настраивал гитару.

— Не мучайся, все равно по дороге от сырости спустят, — посоветовал Яков Васильев. — В ресторане настроишься. Эй, Маша! Ну, где там Настя, добудиться, что ли, не можете? Так я пожарников из части вызову! Та-а-ак... Ну, что еще?

Последние слова хоревода относились к Стешке, которая спускалась по лестнице с верхнего этажа. Шла она неохотно, цепляя ногу за ногу, и на ее физиономии было выражение крайнего замешательства.

— Ну, что? Где Настя? — нетерпеливо спросил Яков Васильев, подходя к лестнице. Стешка прижалась спиной к стене, зажмурилась и выпалила:

— Нету!!!

В комнате разом стихли разговоры. Все головы повернулись к бледной Стешке. Яков Васильев одним прыжком оказался рядом с племянницей. Стешка приоткрыла один глаз, тут же зажмурилась снова и пропищала:

— Нету Настьки... Только постеля разобрана, а ее самой...

Яков Васильев сел как подкошенный на ступеньки и сделал то, чего не видел еще ни один хоровой цыган: схватился за сердце.

Ты вернешься, я знаю

— Свят-господи, так и знал... — хриплым шепотом проговорил он и тут же рявкнул: — Кто ее последним видал?! Митро! Маша! Стешка! Говорите, ироды, чертей вам под хвосты!!!

Тишина — и взрыв голосов. Испуганные цыгане орали во все горло, божась, что не видели Настю со вчерашнего дня. Марья Васильевна помчалась наверх — проверять, на месте ли Настины вещи. Следом ринулись остальные цыганки. В общей суматохе не принимал участия только Митро, который стоял у дверей со скрещенными на груди руками и о чем-то напряженно думал. Он даже не сразу почувствовал, что его дергают за рукав. Но дергающий не успокаивался, и наконец Митро, вздрогнув, повернулся и сумрачно спросил:

— Чего тебе, Кузьма?

Шестнадцатилетний цыганенок с хитровой чумазой физиономией и быстрыми, как у зверька, глазами усиленно замигал, мотая взлохмаченной головой на дверь:

— Выйдем, Трофимыч... Разговор есть...

— Какой разговор, очумел? Не видишь, что творится?!

— Так и я о том! Идем, Трофимыч, пока не приметил кто...

Митро еще раз окинул взглядом зал, но цыгане были слишком захвачены происходящим и не увидели, как двое из них украдкой покинули Большой дом.

На улице Митро взял Кузьму за плечо.

— Ну, говори. Пойму, что врешь, — уши оборву!

— Очень надо! — обиделся Кузьма. — И не держи так, больно... Тут вот что, Трофимыч. Настьку я видал.

— Когда? — тихо спросил Митро. — С кем? Где?

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

— Да нигде! И ни с кем... Два часа назад ко мне влетела. — Кузьма кивнул на дом через дорогу. — Прямо из дома, вижу, прибежала, в платье своем черном, без шляпы даже. И давай выпрашивать — где да где Смоляко...

— Смоляко? — еще тише переспросил Митро. — Наш? Илья?!

— Да Илья же!

— И что ты ей, каторжная морда, сказал?! — Митро снова с силой сжал плечо цыганенка, но тот сердито вырвался.

— А что ты на меня-то?! Она, промежду прочим, реветь начала белугой! В голос, как по-мертвому! Кричала, что ежели я ей не скажу, она под пролетку бросится! И бросилась бы! Настьку ты, что ли, не знаешь? Душа у меня не терпит на ейные рыдания глядеть!

— Так ты ей сказал?! — загремел Митро на всю улицу.

— Ну, сказал... — буркнул Кузьма. — А куда деваться было? Она еле дослушала, за дверь кинулась, на извозчика прыгнула, — и только и видели...

— Да что ж ты, нечисть, сразу ко мне не пришел?! Господи, где ремень, я сейчас этого поганца... — Митро в самом деле схватился за пояс, и Кузьма мгновенно, как уличный кот, вскарабкался на огромную ветлу у забора. Свесившись с дерева, цыганенок пояснил:

— Вот потому и не пришел. Шкура небось не купленная, а я ничем не виноватый...

— Тьфу, сатана... Ну, спустись только, не обрадуешься! — Последние слова Митро крикнул, уже скрываясь за поворотом на Большую Садовую, где стояли в ожидании седоков несколько извозчиков. Кузьма, подождав на всякий случай немного, осторожно слез с ветлы, одернул рубаху, посмотрел

Ты вернешься, я знаю

по сторонам и побежал обратно в Большой дом, откуда уже на всю Живодерку разносились вопли и проклятия.

Извозчик оказался человеком сговорчивым и за двухривенный повез Митро через всю Москву на Таганку, где вместе с небогатым купечеством, рабочими, мастеровыми и старообрядцами издавна жили несколько цыганских семей. Это были кофари:¹ в хорах они не пели, а занимались торговлей лошадьми, для чего и селились вблизи Конного рынка. Богатые, большие особняки Тверской, расписные дома замоскворецких купцов сменились понемногу низенькими одноэтажными домиками за покосившимися заборами, немощные улочки утопали в грязи, мокрая листва звонко роняла в лужи капли недавнего дождя. Небо уже темнело, и Митро подумал, что к выезду в ресторан он никак не успеет.

— Станови здесь, — сквозь зубы приказал он извозчику, когда они свернули в тесный темный проулок, сплошь заросший яблонями и липами. — Да смотри дождись меня!

— Не бойсь, Трофимыч... — пробасил извозчик. И тут же залюбопытствовал: — А что у вас за баталья сегодня приключилась? Ажно на Садовой слышать было, как Яков Васильич разорялся... Опять, что ль, кто из теноров запил?

Митро только отмахнулся и, широко шагая, пошел прямо по лужам к дому. Войдя во двор, он споткнулся о лежащую в грязи подкову, выругавшись, отшвырнул ее сапогом, поднял голову — и остановился, встретившись глазами со стоящей на крыльце молодой цыганкой.

— Варька? Фу-у, слава богу, здесь еще... Где Илья?

---

¹ Барышники.

АНАСТАСИЯ ТУМАНОВА

Варька не ответила. Красный закатный свет, неожиданно пробившись сквозь сизые полосы облаков на западе, упал на ее темное, худое лицо, резко обозначил густые, почти сросшиеся на переносице брови, большой нос, крупные, выпирающие вперед зубы. Полуприкрытые глаза Варьки смотрели через плечо Митро на садящееся в тучи солнце.

Варька и ее брат Илья, таборные цыгане, появились в Москве прошлой осенью. У Варьки был сильный бархатистый альт и бесконечное дыхание. У Ильи оказался невероятной красоты драматический тенор, который позже приводил в восторг даже профессоров консерватории. Таборных прослушал Яков Васильев и сразу же взял их в хор. К зиме Смоляковы уже были известны всей Москве, а у Варьки, к немалому изумлению брата и ее самой, даже появилась свита поклонников.

В своем таборе Варька считалась некрасивой. К двадцати годам ее ни разу не сватали: ни одна таборная мамаша не решалась взять за своего сына «ворону носатую» с зубами «как у шуки». Но гостям ресторана неожиданно пришлось по душе смуглое до черноты, резкое и строгое лицо кочевой цыганки, ее черные с синим отливом косы до колен и огромные, темные, без блеска, глаза под мохнатыми ресницами. Также очень ценилась Варькина манера исполнения романсов: сдержанная, без лишних эффектов, но с прорывающимися иногда живыми, страстными нотами, от которых даже у искусственных слушателей мороз шел по коже. Варьку в Москве называли «степной княжней», «египетской принцессой» и «истинной дочерью полей», и на ее романсы съезжались толпами. Доходы хора с появлением в нем Смоляковых выросли чуть не вдвое, но хоровод не спешил радоваться: «По весне

Ты вернешься, я знаю

все едино смоются. Знаю я этих голодранцев таборных — одни кони в голове».

Старый дирижер не ошибался: Илье, кофарю и конокраду, не мыслящему своей жизни без кочевья, сидение в Москве надоело еще задолго до прихода весны, и он не съехал назад к своим посреди сезона только из-за Насти. Все до одного цыгане знали: Илья Смоляко потерял голову в тот же день, как увидел дочь дирижера. Ведал об этом и Яков Васильев, но всерьез к страсти таборного парня не относился: Настя в то время готовилась выйти замуж за князя и Ильей ничуть не интересовалась. Никто никогда не видел, чтобы они разговаривали наедине. Никто не замечал хоть малейшего внимания Насти в ответ на молчаливые, упорные взгляды Ильи. К тому же у Ильи имелась любовница: купеческая жена Лизавета Баташева, к которой он втихую бегал всю зиму. Имя своей замужней пассии Илья скрывал. Цыгане были уверены, что Смоляко крутит любовь с баташевской горничной, которая храбро взялась «прикрывать» барыню и ее сердечного друга, но три дня назад все неожиданно вышло наружу. Муж Баташевой, известнейший московский купец, зиму пробывший на соляных копиях в Перми, неожиданно, без предупреждения, на ночь глядя нагрянул домой. Илью скрутили приказчики во дворе баташевского дома и убили бы, не подоспей на выручку молодые цыгане во главе с Митро. А Лизавету Матвеевну спасти было некому, и муж избил ее до смерти прямо в комнате с разобранной супружеской постелью, на которой она ждала любовника. Купца Баташева в состоянии полной невменяемости забрали в участок; Илью с разбитой головой цыгане отволокли на Таганку к кофарям Деруновым, справедливо рассудив, что там его никто искать не ста-